

ве, началом, хотя побежденным, но не безвредным, с которым рано или поздно должна была вступить в борьбу центральная власть. Эти уступки происходили, конечно, не из народной терпимости, вражда оставалась здесь в той же силе, они происходили из личного религиозного равнодушия Генриха. Этот характер Генриха откроется нам еще более из краткого обзора событий его царствования, его отношений к партиям и состояния дворянства. Между его ближайшими слугами мы почти уже не видим тех старых верных слуг, которые прежде сопровождали его на поле битвы; они живут в поместьях своих, король дружелюбно обходится с ними, но он окружен уже во всех делах своих лигистами, своими прежними врагами. Многие приписывали это великодушию: мы вправе отказать в нем Генриху, он действовал из одних расчетов. Трудно найти государя более неблагодарного: он сам говорил, что старых и преданных друзей не зачем награждать, они и без того будут служить; надо привлекать и задабривать врагов. И в этом он действительно успел: он вверял лигистам государственные дела и пользовался их деятельностью для своих целей. Решительных и крутых мер по достижению престола он не любил употреблять. Он одолел остатки аристократической оппозиции денежными сделками; 30 миллионов — сумму огромную по тому времени — заплатил он французским аристократам за их покорность. Особенно дорого стала ему покорность герцога Меркёра (Mersœur) в Бретани, который долго оставался там независимым. Расписки в получении этих сумм сохранились доселе, их можем мы найти в 10-й книге записок Сюлли.

В сущности политика Генриха основана была на глубоком презрении к людям, но государство отдохнуло при нем от своих долгих страданий; раны, нанесенные междоусобными войнами, были отчасти залечены. Обыкновенно честь эту приписывают Сюлли (Sully)¹, одному из немногих протестантов, сохранивших на него влияние; он был генерал-интендантом финансов, ему вверена была армия, надзор за путями сообщения и много других должностей. Смотреть на Сюлли как на великого финансового преобразователя и обладателя великих политических идей в наше время было бы странно. Вышедшие при нем постановления не обличают в нем высших государственных идей: но он был человек строгий, чрезвычайно бережливый, любивший порядок, введший самую строгую отчетливость в дела государственного управления, в этом отношении его можно сравнить с Жаком Кёром, заведовавшим финансами при Карле VII. Он приложил к государственному хозяйству простые начала управления частными доходами: но этою уже одною отчетливостью он оказал большие услуги государству; расходы перестали превышать доходы, расточительность короля была сдерживаема в пределах умным и строгим министром. Пути сообщения были улучшены, на земледелие обращено большое внимание. К концу царствования Генриха финансы Франции находились в лучшем состоянии, чем где-либо. Король сам очень заботился о благосостоянии подданных.